БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

СОВЕТСКИЙ ВОИН

Юрий Пронякин

Магнитное склонение

ГОРЫ В ГАГРЕ

Что жизнь полна неожиданностей и этим хороша — для Валерия Самойлова было аксиомой. Но телеграмма: «Нахожусь Гагре турбазе очень хочу тебя видеть Ира» — превзошла все, что в последние недели выпало на его, офицера-строителя, долю. Он испил полную чашу горечи, когда на его глазах шторм разрушал дамбу, которую Валерий со своими солдатами возводил. Он пережил изматывающее напряжение борьбы, защищая потом стройку от нового разгула стихии. Его пронзил тошнотный испуг при виде окровавленной руки и белого, искаженного болью лица Федора Еремина, солдата, забывшего в пылу работы об осторожности. А последующий разговор с начальством лучше не вспоминать...

Да, любой день мог преподнести всякое, и Валерий внутренне готовил себя к сюрпризам жизни. Но эта телеграмма...

Ее привез сержант Никонов, заместитель Самойлова, ездивший в часть. Валерий мигом прочел телеграмму, и, наверное, все его чувства — растерянность, радость, недоумение — сразу отразились на лице, так что Никонов участливо спросил:

— Плохие вести, а-а, товарищ лейтенант?

— Нет, нет, скорей наоборот, — смутился Валерий и медленно пошел в дальний конец строительной площадки, где никого не было. Остановился и стал смотреть на море.

Оно было спокойно в этот вечерний час. Солнце уже зашло, но его золотисто-алое сияние плавило осевшие над горизонтом облака и расстилалось по морю во всю ширь. Валерий невольно сощурил глаза и словно увидел вдали улыбающееся лицо Ирины, ее взбитые надо лбом светлые с золотистым отливом волосы, зеленовато-синие глаза и белые, как снег на горах, зубы. Ира знала, что улыбка ей идет, поэтому почти всегда улыбалась, а может быть, больше потому, что была жизнерадостна и все вокруг воспринимала в таком, как сейчас, освещении. Она и его, Валерия, ласково называла «золотой мой», хотя, по его мнению, этот эпитет больше был под стать какому-нибудь кучерявенькому карапузу, нежели ему, с его высоким ростом, поджарой фигурой и худощавым лицом. И Валерий стеснялся, когда Ира называла его так при людях, но молчал, потому что у нее это получалось естественно и мило, — можно ли обижаться? Но как давно все было! Целых полтора года назад.

Они поехали тогда на ВДНХ, чтобы хоть на короткое время избавиться от экзаменационных забот и забыть о предстоявшей защите дипломов. Они гуляли среди цветов и фонтанов, взявшись за руки, и многие, особенно парни, поглядывали на них. Это приятно щекотало самолюбие Валерия.

День стоял солнечный, чувствительно припекало, и, когда они подошли к прудам, Ира по-детски захлопала в ладоши:

— Хочу на лодке, хочу на лодке.

«Хочу» было излюбленным Ириным словом, Валерий это знал, но, так как ее желание передалось и ему, он с готовностью встал в очередь перед кассой лодочной станции. В лодке она вытянула свои стройные ноги, оперлась руками о борта, откинулась назад и закрыла глаза. Валерий осторожно перебирал веслами и неотрывно смотрел на Иру. И вся она, какая-то разнеженная, добрая, с теплившейся на приоткрытых губах улыбкой, сделалась для него такой близкой, как никогда...

...Пронзительный железный скрежет скребнул Валерия по нервам, он вздрогнул и повернул голову в сторону заработавшего плавучего крана. Полчаса назад его приволок из грузового порта юркий, с задиристым видом буксир. Кран втиснулся в узкое пространство между двумя молами и, почти уткнувшись в строящуюся дамбу, остановился, вытянув в сторону берега шею-стрелу.

Близко к крану и к берегу другой буксир подтянул баржу-платформу, груженную битым камнем. И вот теперь кран своим зубастым грейфером загребал каменные глыбы и, разворачивая стрелу, с грохотом горного обвала выплевывал их за дамбу, подпирая ее с тыла, чтобы она отныне надежно противостояла напору моря, которое уж столько тысячелетий медленно, но ненасытно поглощает берег.

Сейчас оно мягко терлось об отмель, точно котенок о ноги, а неделю назад в злобном неистовстве набрасывалось на берег и сооружаемые здесь постройки. Бурлящие валы накатывались на дамбу, отползали и, слившись с встречными, идущими с моря валами, с

удвоенной силой обрушивались на возведенную людьми преграду, и тогда в диком прыжке высоко взметывались пенистые каскады воды. В конце концов волны и ветер сотворили свое дело: снесли деревянную опалубку и размыли часть дамбы.

Едва шторм унялся — закипела авральная работа. Разрушенное было восстановлено, и теперь строители тянули дамбу дальше. Они спешили воспользоваться тихой погодой и тем, что кран дали всего на ночь, — работать решили до утра.

Командир отряда велел Самойлову остаться на стройке, и Валерий по-штатски сказал: «Хорошо», хотя в последнее время, когда, чтобы уложиться в плановые сроки, приходилось работать ночами или по выходным, чаще всего это выпадало на его долю. Может, потому, что он был самый молодой офицер в военно-строительном отряде, к тому же не обремененный семьей.

Но и Валерию не в тягость были неурочные ночные «бдения» у моря: ему виделось что-то романтическое в игре светотеней на залитой мощными лампами строительной площадке, в позах занятых делом людей, в приглушенном дыхании моря — черного, слившегося с черным, усеянным звездами небом. В эти часы Валерий почти физически ощущал необъятность и вечность мира, ни с чем не сравнимую силу природы, в извечной жажде познать которую и подчинить себе, может, и есть смысл человеческого бытия. Считая себя причастным к огромной созидательной деятельности Человека, Валерий словно вырастал в собственных глазах. Чтобы дать выход молодой силе и энергии, он нередко сам становился рядом со строителями — с молотком или мастерком в руках.

Валерий и сегодня поработал бы в охотку, не появись эта телеграмма. Они же расстались с Ирой, что-

бы никогда больше не встретиться. Расстались сразу, растоптав за какие-нибудь полчаса все, что годами растили в себе. Случилось это в Сокольниках. Там была какая-то выставка. У самого входа на нее Ира вдруг капризно заявила:

— Хочу шашлыка!

Валерий уловил аппетитный аромат жареной, с дымком, баранины, однако нетвердо возразил:

— Может, сейчас не стоит?

— А я хочу!

— Понимаешь ли, у меня в кармане всего трояк,— признался Валерий.

— И ты с таким капиталом собираешься на мне жениться? — засмеялась Ира. — У меня есть деньги. Идем!

И вместо выставки они оказались в шашлычной.

Потом радостно-возбужденные целовались в глубине парка под березой, пока их не спугнули рыскающие по зарослям мальчишки.

— Противные, — метнула Ира им во след, и лицо ее стало жестким.

Солнечное настроение было омрачено. Вот тогда Ира и задала вопрос, который привел к разрыву:

— Как у тебя с аспирантурой?

— Никак.

— Это для меня ново. Причина?

— Одна: нет у меня ни данных, ни базы для процветания на ниве науки.

— Но ты же собирался! Пойми: тебя оставили в Москве, устроили в министерство. Я уговорила отца... Ты знаешь, каких трудов все это стоило.

Валерию это было известно, однако он не чувствовал себя очень уж обязанным тем, кто за него хлопотал, потому что остаться в столице сам особенно не старался: инициатива исходила от Иры.

— А теперь, когда мы скоро поженимся, ты решил на всю жизнь остаться клерком!— продолжала Ира.

— Нет...

— В таком случае, что ты намерен делать дальше? Надеюсь, я имею право спросить об этом?

— Пока не знаю.

Ире показалось, что его ответ относится ко второму ее вопросу, она с раздражением выдернула свою руку из его руки:

— Так может рассуждать только неудачник. Да, да, самый ординарный неудачник, серая, как штаны пожарника, посредственность!

Такой тощечины Валерий за все свои двадцать шесть лет еще не получал. И все, в чем он в последнее время собирался открыться Ирине: как гнетут его тихие министерские коридоры, как жаждет он, полный молодой энергии, работы в движении — на ветру, на морозе, под дождем и солнцем, — такой работы, чтобы зримо видеть ее плоды и с гордостью говорить, показывая на корпуса завода или кварталы жилых домов: «Это я строил. Я!» — все это, о чем Валерий порывался Ирине сказать, надеясь, что она поймет его и поддержит в исканиях настоящего места в жизни, все это комком застряло у него в горле, и он выдавил из себя:

— Возможно, неудачник... Тогда чего ты ждешь от неудачника?

— Ты прав: ждать нечего. Привет!

Ира стремительно, почти бегом, ринулась к воротам парка.

Валерий бросился было за нею, но тут же остановился и зашагал в обратную сторону...

Всю ночь Валерий мучительно думал о сцене, разыгравшейся в Сокольниках, сцене, в которой Ира как бы предстала перед ним в каком-то неестественном, ра-

нее не известном ему освещении. А поскольку открылось все это так неожиданно и неприглядно, он чувствовал себя обманутым и все чаще приходил к мысли, что Ира его не любит.

Утром Валерий отправился на службу разбитый, подавленный, но с одним непреклонным решением: просить начальника отдела отпустить его на какую-нибудь стройку. Мотивы, которые Валерий собирался выложить начальнику, казались убедительными: мол, у него, вчерашнего студента, нет производственного опыта, а следовательно, и морального права работать в министерстве. Начальник был очень занят, и выбрать удобный момент для разговора с ним Валерию не удалось. Пришлось отложить на завтра.

Работал в тот день Валерий кое-как и все ждал: вот-вот Ира позвонит и скажет, что вчерашнее было нелепостью, недоразумением, как это она делала всякий раз, когда между ними случались размолвки. Но Ира не позвонила...

Вечером, бредя домой, Валерий столкнулся со школьным товарищем Серегой Зиминым. В парадной офицерской форме, розовощекий, весь сияющий, Серега с возгласом радостного изумления: «Валера! Дьявол! Вот встреча!» — обхватил Валерия так, что у него что-то затрещало — то ли ребра, то ли швы костюма.

Потом они сидели в кафе, и Сергей с мальчишеской непосредственностью бахвалился своим преуспеянием в службе, рассказывал о каких-то учениях, где отличилась его рота, за что его особо отметили... По рассказам Сергея, а больше по его жизнерадостности Валерий заключил, что его друг доволен судьбой. И на этом фоне его, Валерия, существование, особенно после разрыва с Ирой, показалось совсем бесцветным, даже жалким. Правда, плакаться он не стал, но

сказал, что тянет его махнуть куда-нибудь в гущу, подальше от канцелярщины...

— Дельно! — одобрил Сергей. — Пока молод, нечего на стуле штаны протирать, хоть они и с лавсаном. — Сергей засмеялся и щелкнул пальцами, как танцующий цыган:— Знаешь, у меня идея! Двигай в армию. Ты же инженер-строитель! Или думаешь, что армия — это только пиф-паф? — Сергей сделал руками такой жест, будто стрелял из ружья.

— Положим, об армии я представление имею: сам солдатом был. А над твоей идеей подумаю, — ответил Валерий.

Два дня размышлял он, как лучше поступить, и, размышляя, не переставал ждать Иру. Сам же из-за нанесенной Ирой обиды к ней не шел. Все это и определило его окончательный выбор, хотя, как он сам себя убеждал, Ира тут ни при чем. Валерий направился в военкомат. Ни дома, ни на работе он об этом не сказал. Лишь когда из военкомата затребовали характеристику инженера Валерия Самойлова, в отделе и за пределами стало известно о его затее.

Тогда-то и раздался звонок от Иры:

— Валерий, это правда?

— Правда.

— Но как ты мог?

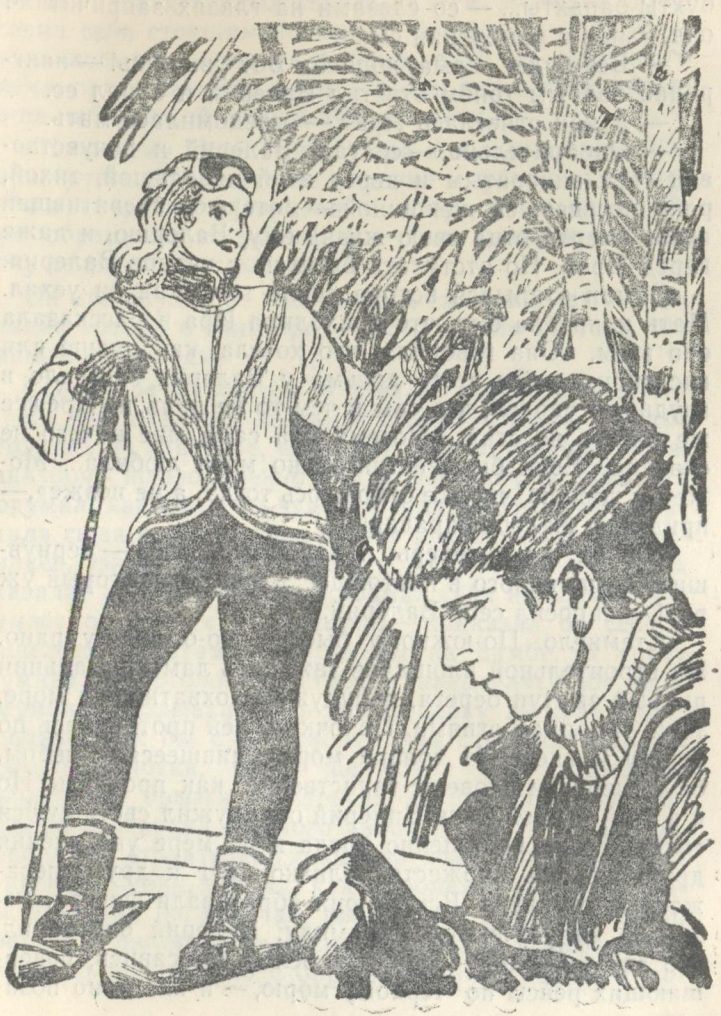
— Рано или поздно я должен был так поступить.

— Боже, какой ты еще глупый,— проговорила Ира с такой болью в голосе, что у него заныло сердце.— Прошу тебя, одумайся...

— Я уже подал все документы, — упрямо ответил он.

А дома его расстроила мать.

— Как же это, сынок? Растила, учила тебя... Радовалась: наконец встал на ноги, а ты... Вот так, с

бухты-барахты... — со слезами на глазах запричитала она, узнав о намерении сына.

— Все будет, мама, хорошо. Вот увидишь! — наигранно бодрым тоном ответил Валерий и обнял ее.

— А как отнеслась Ира? — осведомилась мать.

— Одобрительно, — солгал Валерий и почувствовал себя виноватым и перед этой небольшой, тихой, рано поседевшей женщиной — матерью, посвятившей после смерти отца свою жизнь ему, Валерию, и даже перед Ирой. Но отступать было не в натуре Валерия.

Обман открылся вскоре после того, как он уехал. Мать написала ему, что приходила Ира и рассказала обо всем. «Она говорила, что хотела как лучше для вас обоих...» От этого письма у Валерия засосало в груди: он увидел, что сам в чем-то не прав, но Ире все же писать не стал. «Почему она сама мне ничего не сказала? Если бы действительно меня любила... Может, и хорошо, что все открылось тогда, а не позже»,— придумал он себе оправдание.

«Зачем же я теперь понадобился ей?» — вернувшись из прошлого в настоящее, снова — в который уж раз! — спросил себя Валерий.

Стемнело. По-южному быстро, по-осеннему рано. На строительной площадке зажглись лампы. Дальний правый выступ берега, полудужьем охвативший море, тоже замерцал огнями. Цепочка огней протянулась по берегу и слева. И только море, слившееся с небом, было черно и зловеще-таинственно, как пропасть. Но и в этой черной дали Валерий обнаружил светящуюся точку. Точка постепенно росла и по мере увеличения дробилась на множество близко друг к другу посаженных огоньков. Вскоре они образовали фигуру, похожую на усеченную пирамиду; Валерий определил, что это теплоход — один из белых красавцев, совершающих рейсы по Черному морю, — и внезапно поза-

видовал тем, кто плыл сейчас на нем. Валерий представил себя стоящим на палубе, а рядом — Иру. Ему показалось даже, что он ощутил тепло ее оголенного плеча, прижавшегося к нему, — так они стояли когда-то на набережной ночной Москвы-реки.

«Но почему Ира? Почему она и только она? — Валерий отогнал навязчивое видение и, убеждая самого себя в теперешнем безразличии к Ире, мысленно крикнул, обращаясь к теплоходу: — Я не поеду к ней! Не хочу ее видеть, пусть знает...»

Он отвернулся от теплохода и задержал взгляд на здании военного санатория, выстроенного на горе, нависшей над морем.

Сделанное из бетона и стекла, все сейчас светящееся, оно казалось легким и стремительным, как тот теплоход. И наверное, если смотреть со стороны моря, санаторий ночью именно так и выглядит. И Валерий подумал: как было бы чудесно, если бы Ира сама приехала сюда и посмотрела на эту красоту. Вот бы удивилась, узнав, что и он это строил. Что бы она тогда сказала? И опять Валерий поймал себя на мысли, что думает об Ире. «Так нельзя», — приказал он себе и пошел к солдатам, работавшим на дамбе. И сразу шумная разноголосица стройки навалилась на него. Неумолчно взвывал и скрежетал плавучий кран, неторопливо, как бы с трудом ворочая стрелой; дятлами стучали молотки; глухо шелестела бетономешалка; фиолетовые брызги электросварки резали глаза. Самойлов переходил с одного рабочего места на другое, подбодрял строителей, давал по ходу дела указания и распоряжения, следил, как выполняются его команды. Валерий не замечал, быстро ли, медленно текло время. Он взглянул на часы, лишь когда грейфер плавучего крана соскреб с баржи и ссыпал на берег по-

следнюю порцию битого камня и уши резанула наступившая вдруг тишина. Было три часа ночи.

«Скоро можно будет закругляться и — на отдых,— подумал Валерий, но его тут же кольнуло: — А телеграмма? Нет, просто так дать телеграмму Ира не могла, с ней, видно, что-то случилось, ей нужна моя помощь. — Объяснение показалось Валерию логичным, несмотря на то, что в телеграмме стояло: «...хочу тебя видеть...» — И как я раньше не догадался? Даже чужие помогают друг другу в беде. А тут — Ира...»

В пять часов Самойлов дал команду закончить работу, построил солдат, проверил, все ли на месте, и приказал сержанту Никонову вести строй в казарму, на отдых, добавив вполголоса, что сам задержится и вернется не раньше чем после обеда.

Когда хвост поднимающейся в гору колонны скрылся за поворотом кипарисовой аллеи, Валерий берегом моря зашагал к остановке электрички — напрямик до нее было километра четыре. Шел он быстро, но мелкая галька, с гулким скрипом проседавшая под сапогами, сдерживала ход. Это напомнило Валерию ходьбу на лыжах по талому снегу. Мысленно он перенесся в зимнее Подмосковье и отчетливо увидел себя в васильковом спортивном костюме, а рядом — Иру.

Она сказала ему тогда: «Валерик, я устала» — и остановилась посреди поля. Валерий, опершись на лыжную палку, повернулся к Ире и залюбовался ею. В малиновом, с белыми замысловатыми рисунками свитере и черных эластичных брюках Ира выглядела будто сошедшей с картины Пименова на сверкающую солнечными блестками снежную целину. В то же время он уловил на ее лице выражение беспомощности, потребности в покровительстве сильного. Этим сильным Валерий почувствовал себя. Его охватила без-

мерная нежность к девушке и несбыточное желание показать себя всемогущим.

Он продел свою палку сквозь кольцо Ириной палки и, как на буксире, потянул ее. От такой двойной нагрузки и оттого, что лыжи плохо скользили, Валерий скоро вспотел, Ира же игриво щебетала: «Ой, как хорошо так ехать! И почему ты раньше не догадался...»

Валерий старался изо всех сил, но на опушке березовой рощи, к которой их вывела влажно потемневшая лыжня, в изнеможении остановился. Ира глянула на него и пожалела: «Да ты весь мокрый, золотой мой!» Своим платком она обтерла Валерию лицо, и он храбро вызвался буксировать ее и дальше. Ира отказалась: «Давай лучше отдохнем. Вот на этой березке. Смотри, она будто специально для нас упала».

Деревце лежало, опираясь на ветви, как на руки, и словно надеялось еще подняться и распрямиться. Валерий счистил снег со ствола, положил на него варежки, и они с Ирой сели на них, прижавшись друг к другу, и с аппетитом принялись за булку со столовой колбасой.

— Так вкусно, —певуче произнесла Ира.

— Вот видишь, а ты не хотела брать, — напомнил Валерий.

— Я всегда знала, что ты у меня умница.

Голос Ирины звучал чуточку лениво и нежно. От этого голоса, от близости ее тела, от пронзительно яркого мартовского солнца и будто хрустальной тишины у Валерия возникло почти физическое ощущение счастья и незыблемой прочности его. Он и мысли допустить не мог, что эта ласковая, пусть чуточку капризная, но добрая девушка способна так безжалостно унизить человека, как поступила с ним.

Значит, он не знал Иру по-настоящему. И не знает. «Так зачем я к ней иду? Пока не поздно, нужно по-

вернуть назад», — осадил себя Валерий и остановился. Стих скрип гальки под сапогами, и Валерий уловил наплывающие теплыми волнами справа, с высокого берега, запахи коровьего хлева и дыма: люди уже пробуждались, готовясь к трудовому дню, хотя утро внешне еще не проглядывалось. Небо было темно, море — тоже. Лишь узкая белая полоска прибоя вычертила границу между сушей и водой. И вот на этой «ничейной» полосе в нерешительности стоял Валерий.

Вдруг совсем близко что-то мелькнуло. Валерий испугался и скорее инстинктивно, чем сознательно, схватил камень и различил: перед ним — собака. Валерий замахнулся. Собака, издав короткий лай, кинулась вверх по склону. «Проклятая,— обругал ее Валерий.—Рыщет, где не нужно...» Испуг быстро прошел, но неприятный осадок остался. Валерий почувствовал себя до жалости одиноким и только сейчас понял, как все эти месяцы, хотя и заполненные работой, ему не хватало Иры. Разом откинув все свои колебания, он зашагал вперед. Дошел до впадающей в море речушки, свернул направо, поднялся на гору и увидел меж двух похожих на верблюжьи горбы высот освещенный домик станции и кучку людей возле него.

Валерий поспел вовремя: в следующую минуту из тоннеля вынесся поезд, забрал пассажиров и помчался дальше, в сторону Сочи.

В вагоне, в который сел Валерий, разместился целый табор цыганок с детьми. Пестро и неряшливо одетые, они галдели, курили, шлепали детей. От нечего делать Валерий стал разглядывать цыганок, и одна из них пристала к нему:

— Давай, хороший человек, погадаю. Скажу, что ожидает тебя.

На них сразу обратили внимание, и это больше, чем назойливость цыганки, смутило лейтенанта.

— Нет, нет, спасибо, — отказался он.

«Ну что она может мне предсказать? Я и сам не знаю, что меня ждет. Никто не знает...» И неожиданно задал себе вопрос: а как бы повернулась его и Ирина судьба, ответь он ей в Сокольниках по-другому и не обзови она его неудачником? Так от кого же зависит наша собственная судьба?..

Электричка, вбирая в себя во время коротких остановок все новых и новых пассажиров, мчалась, то огибая горы и приближаясь к морю, то пронизывая их по тоннелям. Уже рассвело, и, когда поезд выносился на открытое место, в окна вагонов врывалось солнце — сразу становилось светлее и уютнее, люди, заполнившие вагон, казались Валерию ближе друг другу. На него нашло умиротворение, он смежил глаза и, задремав, чуть не прозевал Гагру.

Из вагона Валерий выскочил последним и остановился, озираясь. На перроне было необычно людно. На мокром асфальте стояли чемоданы, сумки, рюкзаки, — видимо, ожидался поезд дальнего следования. Но Ирины Валерий не нашел, и от этого тоскливо защемило сердце. «Так ведь она на турбазе!» — не сразу дошло до него. Валерий спросил у носильщика, как добраться до турбазы, и побежал на троллейбусную остановку.

Валерию показалось, что троллейбус медленно и бесконечно долго ехал по длинной улице, прижатой горами к морю. Наконец водитель равнодушно объявил: «Турбаза». Валерий оказался на пустой — возможно, из-за раннего часа — улице и, не найдя и здесь, у ворот турбазы, Иры, понял всю нелепость предпринятого им вояжа. Ведь в телеграмме было сказано, что Ира хочет его видеть, и только! Но зачем, когда, где? Об этом ни намека. Он решил, что ему лучше исчезнуть отсюда, пока над ним не стали сме-

яться: вот, мол, постовой у ворот объявился. Но из турбазы вышли две девушки и направились к нему. «Может, от Иры?» — мелькнула у Валерия надежда. Однако девушки, с интересом поглядев на лейтенанта (еще Ира говорила ему, что он нравится девчонкам), прошли мимо, и одна из них намеренно громко сказала подруге:

— Какие волшебные горы! Ты только посмотри...

Валерий невольно оглянулся. Сзади него круто вздыбились горы, все в кудрявых зарослях, золотистых и оранжевых, а из этих зарослей уступами поднимались нарядные особняки, белые, розовые, золотистые. У Валерия мелькнула мысль: какая, наверное, безмятежная, полная довольства жизнь в этих красивых домах на действительно будто волшебных горах. И он вторично за сегодняшнее утро обнаженно увидел свою холостяцкую неустроенность и, вместо того чтобы уйти отсюда, как только что порывался, догнал девушек и попросил их позвать Иру. Девушки вернулись на турбазу, а Валерий — на прежнее место на противоположной стороне улицы. Покусывая губы и сощурив серые, в густых ресницах глаза, он неотрывно смотрел на ворота.

И наконец увидел ее. В алой спортивной курточке и кремовых вельветовых брюках, радостно улыбающаяся, Ира стремительным шагом, отчего ее утреннезолотистые волосы рассыпались, подошла к окаменевшему Валерию, на мгновение тоже замерла и провела длинными чуткими пальцами по его смуглой колючей щеке.

— Валерик, золотой мой, я не узнала тебя: ты стал таким... таким возмужалым... Тебе так идет эта форма... — взволнованно произнесла она и, не дав ему опомниться, быстро заговорила: — Я столько передумала и пережила... Я была во многом не права. Ты —

тоже... Но не будем подсчитывать степень виновности и правоты каждого из нас... Забудем все плохое... Забудем?

Он долго смотрел в ее ожидающие, тревожные, безмерно дорогие для него глаза и глухо и прерывисто, задыхаясь от внезапного счастья, ответил:

— Да... Иначе бы я сюда не пришел...

Содержание

КОГДА ТРУБА ЗОВЕТ . . . 2
ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР . . 17
АТОМНАЯ ВЫХОДИТ В ОКЕАН 36
НОЧНОЙ ПЕРЕХВАТ 50
МАГНИТНОЕ СКЛОНЕНИЕ . . 66
ГОРЫ В ГАГРЕ 79

Юрий Федорович ПРОНЯКИН
МАГНИТНОЕ СКЛОНЕНИЕ
Очерки и рассказы

Главный редактор Ю. ВИНОГРАДОВ

Редактор Г. Ильина
Художник В. Лукьянец
Художественный редактор Е. Хоменко
Технический редактор Р. Углова

Адрес редакции: 123831. Москва, ГСП. Д-7, Хорошевское шоссе, 38.

Сдано в набор 09.08.85 г. Подписано в печать 04.09.85 г.
Формат 70×108/32 — 3 печ. л.=4,2 усл. печ. л.=3,96. уч.-изд. л.
Г-80084. Изд. № п/1274. Цена 15 коп. Зак. 882. 4,55 усл. кр. от.
Бумага тип. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Творчество военного журналиста Юрия Федоровича Пронякина глубокими корнями связано с Вооруженными Силами, которым отдал он более четырех десятков лет. Закончив в 1944 году Ашхабадское военно-пехотное училище 19-летним младшим лейтенантом, он прошел путь до полковника Советской Армии, служил в разных должностях. После окончания редакторского факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина работал в газете ордена Ленина Московского военного округа «Красный воин», затем—в журнале «Советский воин».

Как военный журналист Юрий Пронякин объездил многие гарнизоны страны и групп войск, побывал на всех флотах, неоднократно участвовал в дальних морских походах, в том числе — с визитами советских военных кораблей в разные зарубежные страны. Он пристально изучает жизнь воинов армии и флота и пишет о том, что сам видел, перечувствовал и хорошо знает. Его перу принадлежат роман «Ставка на совесть», удостоенный Диплома Министерства обороны СССР, повести «Курсанты», «Мы курсанты, Сергей», «Суд чести», «За синей далью», сборники рассказов и очерков «Дела солдатские», «Третий выстрел», «Меридианы встреч», «Голубые дороги».

В предлагаемую книжку «Магнитное склонение» вошли рассказы и очерки, изображающие людей разных военных профессий, которых, несмотря на их внешнюю несхожесть, объединяет одно: верность делу, которому они служат.

Цена 15 коп.

72991